

Алиса Арчер

**ОТСУТСТВИЕ
СВЕТА**

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А88

Арчер, А.

А88 Отсутствие света / А. Арчер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 272 с.

ISBN 978-5-521-90033-6

Много веков некромант Волот Новгородский идет по следам убийцы своей семьи — зловещего колдуна, одержимого идеей вырастить сад из растений с белоснежными листьями. Враг постоянно ускользает, вынуждая его каждый раз начинать поиски сначала. Но все меняется, когда он поднимает мертвеца, хранящего в своем холодильнике отрезанные человеческие пальцы. Цепь случайных совпадений приводит к непредсказуемым последствиям и вынуждает Волота понять, что зло всегда было гораздо ближе, чем он мог предполагать.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© Арчер А., 2023
© Компаниец Е., оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-90033-6

Глава 1

Некромант

Мертвеца я нашел на обочине, у западной кромки леса, в последний день охотничьего сезона. Блики вечернего солнца на мгновение скользнули к земле и осветили то, что издали казалось обычной кучей мусора. Позволили разглядеть среди веток и кустов очертания человеческого тела.

Притормозив, я оглянулся на Густава. Он неподвижно сидел на заднем сиденье и, кажется, не произнес ни слова с начала поездки. Обычно это не удивляло — болтливостью мой помощник не отличался.

Но сегодня его молчание обнажило неприглядную истину, на которую последние годы я упорно закрывал глаза. Густав сильно сдал, ему необходима замена.

Поэтому, увидев труп, я ни секунды не сомневался.

Я вылез из машины, подошел к мертвецу и внимательно осмотрел. Почти свежий, без явных признаков разложения. Смерть наступила едва ли больше суток назад. Он лежал на животе, повернув голову в сторону шоссе, мутным взглядом уставившись на серую полосу дороги. Бледное лицо запачкано грязью, рот и подбородок в засохшей крови.

Перевернув тело, я пожалел, что не взял с собой Густава. Или хотя бы не захватил перчатки. Живот, грудь и ноги мертвеца покрывала омерзительная корка из крови, ошметков земли и листьев. Где можно было так измазаться? Полз он, что ли? Я посмотрел

в глубь леса и увидел примятую траву, потемневшую от крови землю. Действительно, полз. И долго. Кровавый след тянулся насколько хватало глаз. Упорный, видать. Был. Надеюсь, эти качества пригодятся ему и после смерти. Я обернулся на машину, кажущуюся такой близкой, и покачал головой.

У тебя почти получилось, парень. Еще пара десятков метров — и ты выполз бы на дорогу. Немного удачи — и кто-нибудь подвез до больницы. Впрочем, удача давно тебя оставила. Иначе ты не оказался бы здесь в таком жутком виде. И уж конечно, не встретился со мной.

Вернувшись к машине, я попросил Густава помочь. Глядя, как он неуклюже выбирается из автомобиля и пошатываясь идет к мертвецу, я понял, что он вряд ли протянет до конца недели. Я больше не могу поддерживать в нем жизнь. Пришло время снова хоронить друзей.

Я никогда не смеялся над смертью, хоть и очень давно перестал ее бояться. Даже обладая властью поднимать мертвых, не научился относиться к ней легкомысленно. Слишком тесно переплетается смерть с болью и отчаянием, которые всегда достаются живым. И даже спустя много лет тяжелым грузом лежат на душе мои собственные потери.

Густав возвратился, неся на плече бездыханное тело. Я помог ему спрятать мертвеца в багажник и снова залезть на заднее сиденье. С его куртки в машину посыпались комья земли, и я мысленно записал в список дел на сегодня заехать на автомойку. Едва я сел за руль и включил зажигание, помощник заговорил:

— Значит, скоро, — произнес он свистящим прерывистым шепотом. Из-за травмы гортани он постоянно коверкал слова, и я не сразу научился его понимать. Звук его голоса прошелся по коже ледяными иглами, заставив снова ощутить подступающую неизбежность.

— Да, Гус, скоро. — Я ободряюще улыбнулся ему в зеркало заднего вида.

— Ты помнишь, что обещал?

— Помню. Я отвезу тебя во Францию, на кладбище Пер-Лашез и похороню в могиле твоей матери. Я сделаю так, Густав. Чего бы мне это ни стоило.

Он кивнул, откинулся на спинку сиденья и не шевелился до самых ворот охотничьего клуба.

— Птицы нет. — Бородатый охранник равнодушно покачал головой, когда я протянул разрешение. — Надо было приезжать раньше. Уже все отстреляли.

— Мы ненадолго.

Охранник недовольно нахмурился и хотел сказать что-то еще, но внезапно почувствовал невероятную усталость. Я забрал у него ровно столько жизненной силы, что все его помыслы свелись к долгому крепкому сну. И возиться с двумя припозднившимися охотниками на глухаря расхотелось. Он махнул рукой и скрылся в темноте крошечной бытовки. Я же заехал на опустевшую стоянку и припарковался в самой дальней ее части. Забрал с заднего сиденья рюкзак с инструментами и велел Густаву следовать за мной. Пока он доставал труп, я оглядывал окрестности, пытаюсь уловить энергию обитающих в лесу созданий. Найдя то что нужно, кивнул Густаву, и мы углубились в лес.

Шли около часа по глухому сумрачному лесу, избегая указанных на карте маршрутов и троп.

Почувствовав приближение живого существа, я дал Густаву знак остановиться. Он бросил мертвеца на землю и замер под деревом, безмолвный и безразличный к происходящему даже в последние мгновения своей жизни.

Несколько минут я прислушивался к тишине, пытаюсь угадать направление, откуда появится зверь. И одновременно

разглядывал мертвое тело. Средний рост, темные волосы, невыразительные черты лица. Из него получится идеальный подручный, когда я закончу ритуал.

Неприметный. Незапоминающийся. Но сначала нужно найти того, кто отдаст ему свою жизнь.

Олень, кабан, волк. Любое животное, чей срок жизни превышает десять лет и чей вес сопоставим с человеческим. Жизненной силы такого зверя восставшему хватит на долгие годы. Если, конечно, не заставлять его прыгать с крыши и останавливать поезда. И, вполне вероятно, он станет моим последним помощником. Уже сейчас, в начале двадцать первого века, найти никем не замеченный труп большая удача. Каждый день сотни людей умирают от разных причин, и лишь немногие удостоиваются чести покинуть этот мир без свидетелей. Вокруг слишком много глаз — и человеческих, и электронных. И с каждым годом скрываться от них все труднее. Поэтому я и тянул так долго с заменой Густава.

Ночь стремительно опускалась на лес, и я занялся мертвецом. Соединил руки перед собой, сконцентрировался. Когда воздух между ладонями стал нестерпимо горячим, направил поток энергии на мертвеца, прогревая тело и возвращая подвижность мышцам и суставам. Через несколько минут тело обрело податливость, кожа мертвеца стала теплой, черты лица немного смягчились. Теперь он выглядел значительно лучше. И, если бы не жуткая бледность и грязь, его можно было принять за спящего.

Я надел перчатки и попытался расстегнуть на мертвце куртку. Молния, задубевшая от земли и засохшей крови, долго не поддавалась, но в конце концов разошлась с громким чавкающим звуком. Моим глазам открылось печальное зрелище. Торс и живот мертвеца были покрыты глубокими ранами. Я насчитал четырнадцать разрезов, нанесенных, по всей видимости, армейским ножом с широким зазубренным лезвием. Неприятная смерть. Меня

всегда удивляло стремление людей к изощренному истреблению себе подобных. За восемь столетий, что я наблюдаю за ними, человеческая суть не изменилась. Им всегда нравилось топить друг друга в крови. Что ж, если восставшему удастся вспомнить, кто сотворил с ним такое, — возможно, я позволю ему отомстить.

Я достал из рюкзака ножницы, медицинские иглы и катушку шелковой нити. Разрезал на мертвце футболку и зашил раны плотными тугими стежками.

Из самых глубоких разрезов все еще сочилась кровь. Значит, он умер совсем недавно. Тем лучше для меня. Не придется обучать элементарным вещам.

Я отложил инструменты, привел одежду будущего помощника в приличный вид и занес руки над головой и телом мертвца. Забрал последние, едва ощутимые искорки жизненной силы, что еще оставались в клетках организма, высосал досуха жизнь из бактерий и микроорганизмов, останавливая неизбежный процесс разложения. Довел тело и почву под ним до состояния абсолютной биологической смерти — полной медицинской стерильности. Теперь оставалось только ждать.

Спустя минуту или две справа послышался треск валежника. Кто-то осторожно шел через лес, легко ступая по отсыревшей траве. Моя неизбежная необходимая жертва. Я замер на месте, боясь неосторожным движением спугнуть животное. И вскоре увидел мелькающие среди деревьев рога. Олень. Его тревожный внимательный взгляд блуждал по стволам и кустарникам, пытаясь отыскать в темноте возможного врага. Он выглядел как напряженная стрела, готовая вот-вот сорваться с тетивы. Один случайный звук — и он бесследно исчезнет в чаще. Я дождался, когда он подойдет ближе, и начал потихоньку вытягивать из него силу. Почувствовал, как она перетекает из его сильного тела в мое, принося зверю сперва лишь легкую усталость. Расслабленность,

переходящую в желание остановиться и лечь на траву. Движения оленя стали медленными, тяжелыми. Он неуверенно переступал ногами, потряхивал головой и фыркал, но вскоре уступил охватившей его дреме и улегся на землю. Я позвал Густава, велел ему перенести тушу поближе к мертвецу. Хотел поделиться энергией и с ним, но не решился. Он давно уже стремился уйти и воспринял бы мое желание помочь как попытку задержать его в этом мире. И мне не хотелось омрачать его последние часы недоверием. Поэтому я просто смотрел, как он взваливает оленя на плечо и несет сквозь кустарник. Я отметил и бережность, с какой он опустил оленя на землю. Словно ощущал разницу между живым и мертвым телом. И своей осторожностью выражал сочувствие тому, чью жизнь я собирался прервать.

Густав отошел в сторону, и я начал ритуал. Я чувствовал, как энергия проходит сквозь меня, опустошая одно тело и наполняя другое. Видел, как шерсть оленя слегка подрагивает в такт его дыханию. Радужные искры мелькали перед внутренним взором, рождая блаженство, переходящее в эйфорию. Весь мир сузился до размера искрящегося живительного Потока. Он был горячей волной и в то же время ледяной бездной. Мягким бархатом и колючим ветром. Началом и концом. Жизнью и смертью. Вечностью и...

— Что же ты делаешь, сволочь! — нестерпимо громкий крик разорвал тишину на тысячу осколков, скомкал безмолвие, оглушил, вонзился в сознание. Сияние Потока исчезло. Я почувствовал жесткий удар по затылку, от которого внутри головы словно что-то раскололось. Кости черепа будто разошлись в стороны, и в образовавшееся пространство хлынула тьма. Бесконечная, как сама Вселенная. И такая же равнодушная.

Глава 2

Некромант

— Да клянусь тебе, он просто встал и пошел. Вот тебе крест, я не вру. — Звуки возвращались, бесцеремонно вторгаясь в уютную тишину. Голос был сиплый, простуженный, неприятный.

— Семеныч, отвали! — отвечал другой, более молодой и звонкий, до краев наполненный яростью.

— Я своими глазами видел! На святом распятии поклянусь, только поверь!

Сознание прояснялось. Я ощутил, что лежу на холодной твердой земле, а затылок пульсирует жуткой болью. Что произошло?

— Он убил его! — снова затянул хриплый голос. — Я видел! Да послушай же меня! Тут убийство!

Воспоминания возвращались медленно, разгоняя мутную пелену беспамятства. Ночной воздух щекотал ноздри, принося тонкие ароматы хвои и прелой листвы.

— Иди проспись! Какое убийство? — Молодой голос плюнул злобой и начал удаляться. — Я даже незаконную охоту на него повесить не могу. На олене ни царапины!

Я резко открыл глаза. Осознание тяжелой волной прокатилось по венам и свернулось тугим комком в районе солнечного сплетения. Ритуалу помешал человек! Кто-то видел, как я колдовал над телами. Но как он подобрался ко мне так близко? И где, черт возьми, Густав?

Я громко застонал, привлекая внимание говоривших. Медленно перевернулся на спину и сел. Всем своим видом я изображал растерянного, страдающего человека. И, надо признаться, это было несложно. Голова болела так сильно, что хотелось лечь и не шевелиться, по крайней мере, до второго пришествия. Казалось, что даже думать больно. Чем же он меня приложил?

— Как вы себя чувствуете? — молодой голос звонко ударил в ухо, заставив меня поморщиться. Надо мной склонился человек в форме охранника охотничьего клуба. Не тот, что был в сторожке у ворот. Гораздо сильнее и... чище.

Он протянул руку, и, ухватившись за нее, я со стоном поднялся. Огляделся и почти сразу увидел Густава. Он стоял под большим деревом, скрестив руки на груди, и в глазах его переливались тени торжества. Значит, он видел, как ко мне подбирался человек. Видел и ничего не предпринял.

А вот того, кому я отдал силу оленя, на земле не было. Значит, восставший пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете?

Я обернулся к охраннику, поймал его тревожный взгляд. Заметил позади скрюченную фигуру.

— Голова болит.

— Простите ради бога! Мы уж не ждали никого! Конец сезона... Вот Семеныч и расслабился. Напился и пошел по лесу бродить. Увидел вас и... в общем... привиделось ему.

— Да, мы с приятелем решили прогуляться напоследок. Вдруг удалось бы найти хоть пару птиц. В темноте потеряли тропу и заблудились. А потом увидели оленя.

— Да, ваш друг рассказал нам. — Охранник кивнул в сторону Густава. — Это удивительно! Благородный редко показывается людям, их популяция в хозяйстве очень мала. Мы только недавно начали их разводить.